

3
eng

«Выжидать и лавировать» или Кибернетическая правительственность в консервативном стиле

Игорь Кобылин

*Доцент, старший научный сотрудник,
Кафедра социально-гуманитарных наук,
Научно-исследовательская лаборатория
историко-культурных исследований
Приволжский исследовательский медицинский университет,
ШАГИ ИОН РАНХиГС,
пл. Минина и Пожарского, д. 10/1, 6030005, Нижний Новгород.
E-mail: kigor55@mail.ru*

«Выжидать и лавировать», или Кибернетическая правительственность в консервативном стиле

Аннотация:

Статья посвящена одному из аспектов истории советской правительственности (*gouvernementalité*). Согласно Фуко, социализм не выработал собственной управленческой рациональности, и поэтому вынужден подключаться к ее уже готовым формам. Позднесоветская история во многом определяется противостоянием между двумя такими подключениями — к административно-полицейской

форме и к либеральной. Если первое подключение хорошо известно, то второе только начинает всерьез изучаться.

На примере кибер-управленческого проекта академика Никиты Моисеева автор показывает, как изменяются элементы либеральной «гуверnementальности» и без того уже отмеченные «консервативным стилем» (Маннгейм), будучи пересаженными на советскую почву. Частичная децентрализация и рыночные механизмы становятся здесь элементами кибернетической мегамашины, где постоянно развивающиеся производительные силы — это лабильная функциональная часть системы, а производственные отношения — консервативная «архитектурная схема организации», отвечающая за самосохранение и стабильность.

И консервативная «архитектура» системы должна быть установлена таким образом, чтобы прогрессирующее развитие не ставило под вопрос само существование бесконечно самонастраивающегося социалистического «автопилота».

Ключевые слова:

Правительность, консерватизм, либерализм, советская философия, кибернетика

В своем классическом исследовании «Консервативная мысль» (1927) Карл Маннгейм описывает политический консерватизм в качестве «объективной мыслительной структуры» (Маннгейм 1994: 594).¹ Согласно его разъяснению, объективность не означает здесь некоей универсальной «вечной закономерности», из которой мы могли бы *a priori* дедуцировать неизменные принципы консерватизма. Будучи объективной, эта структура долговечнее своего индивидуального носителя, но тем не менее и сама она исторична, изменчива и во многом зависит от конкретных обстоятельств. Этим консерватизм отличается от «традиционализма» или «естественного консерватизма», под которым Маннгейм понимает универсально распространенную негативную реакцию человеческой психики на изменения привычного образа социальной жизни.

При всей своей исторической подвижности, консервативная мысль по Маннгейму обладает тем не менее определенными стилевыми особенностями. Так, основополагающим мотивом

¹ Здесь и далее ссылки даются на русский перевод этой работы, вошедший в книгу «Диагноз нашего времени» (1994), где фамилия автора передается как Маннхейм. Однако в тексте статьи используется более распространенный сегодня вариант транскрипции — Маннгейм.

здесь является своего рода «антитеоретичность», страсть к конкретному, особая привязанность к непосредственно данному. Если прогрессистские проективные идеологии исходят из категории возможного, то консервативную отличает реалистическая чуткость к действительному. Еще одна важная черта консервативного стиля — противостояние «антикачественному»² и «антимагическому» рационализму с его культом математизированного знания, потенциально сообщаемого и доступного всему обществу. Консерватор, с одной стороны, полагает, что сама действительность — «жизнь» — иррациональна, а с другой — релятивизирует человеческий Разум и его нормы, понимая их как вовлеченные в историческую динамику. Наконец, консерватизм, сделавший, как мы видим, ставку на историю, не против изменений вообще — он против изменений навязанных, насильственных по отношению к естественному течению жизни. Революционным преобразованиям он предпочитает «мудрость вещей», эволюционный органический рост, нуждающийся лишь в бережном и внимательном к индивидуальным особенностям «организма» уходе.

Историческим материалом для теоретических обобщений Маннгейму послужил немецкий романтический консерватизм первой половины XIX века. Однако большинство перечисленных в работе характеристик вполне применимо и к основным направлениям консервативной мысли других стран и периодов. Так, английский консерватизм — от формативных для него «Размышлений о революции во Франции» (1790) Эдмунда Бёрка до эссе Майкла Оукшотта «Быть консерватором» (1956) — обнаруживает тот же самый антиспекулятивный пафос и недоверие к любым формам сциентистски окрашенного прожектёрства. Бёрк в своем памфлете, как известно, ставит «практическую мудрость», чуткую к естественному ходу вещей во всем богатстве их конкретных взаимосвязей, куда выше абстрактных научных рассуждений (см.: Бёрк 1993). Спустя более чем полтора столетия Оукшотт в схожем стиле пишет о том, что настоящий консерватор всегда предпочтет «факт тайне, действительное возможно-му, <...> близкое далекому, <...> сегодняшний смех утопическому блаженству» (Oakeshott 1962:169). Оукшотт, конечно, более скепичен в отношении «мудрости природы» — его консерватор скорее похож на гедониста, стремящегося максимально замедлить неумолимые природные изменения, чтобы сполна насладиться уже данным — но даже у этого автора регулярная повторяемость

² То есть подменяющему качественный анализ количественным.

природных явлений до некоторой степени компенсирует неизбежность печального для каждого отдельного существа финала. Конечно, вариации «консервативного стиля» могут существенно различаться между собой — например, в русской консервативной традиции (если позволить себе такое радикальное обобщение) акценты расставлены по-другому. В отличие от английской, она, кажется, менее прагматична и не так привязана к уже наличному: критика либеральных и социалистических утопий не наделяет ее абсолютным иммунитетом по отношению к утопическому измерению вообще — Анджей Валицкий не зря назвал свое классическое исследование славянофильского мировоззрения «В кругу консервативной утопии» (см.: Валицкий 2019). Однако у русских консерваторов ярко представлена другая черта «стиля» — вера в органический рост, благотворную силу «живой жизни», противостоящей мертвящим рассудочным — «кабинетным» — схемам.

В определенном смысле можно сказать, что «консервативный стиль» — это тот минимум общего, который придает единство идеологической доктрине, сосредоточенной на уникальном. Концептуальная находка Маннгейма позволяет уловить парадоксальный характер этой доктрины: политический консерватизм и не чисто ситуативен, и не строго «эссенциален»; его нельзя свести ни к формальной, пустой позиции, равнодушной к тому содержанию, которое занимающий ее стремится сохранить, ни к аисторической «плотной» сущности, всегда равной самой себе. Значение этой находки сложно переоценить. Написанная почти сто лет назад, небольшая по объему «Консервативная мысль» несколько не устарела.³ Инструменты, предложенные Маннгеймом, дают возможность анализировать идеологические метаморфозы, не превращая «консерватизм» в оперативную метаисторическую категорию. Действительно, в конкретных обстоятельствах и позиционных расстановках либерализм, социализм или любая другая «идеационная» идеология⁴ могут не просто занимать

³ Библиография исследований политического консерватизма и его взаимоотношений с другими идеологиями огромна и продолжает стремительно пополняться. (см., например: Muller 1997; Ионин 2005; Anderson 2005; Thompson 2011; Bourke 2018; Репников 2007; Минаков 2011 и др.). Однако даже на этом фоне работа Маннгейма не утратила своего стимулирующего эффекта. Дэвид Блур, использовавший «Консервативную мысль» для анализа взглядов Витгенштейна, так описывает охватившее его чувство «раскрытия»: «Я не способен, и даже не буду пытаться вызвать в вас то же переживание, но я обозначу некоторые основания, вызвавшие наконец у меня чувство раскрытия, если можно так выразиться, того духа, которым преисполнено творчество Витгенштейна» (Блур 2002: 52). О консервативном стиле в более широком контексте см.: Будрайтскис 2020:11–16.

⁴ Об отличии консерватизма как «институциональной» идеологии от «идеационных» идеологий (либерализма и социализма) см.: Huntington 1957.

«консервативную позицию», но и заимствовать отдельные отличительные черты консервативного стиля. Маннгейм пишет, например, о некоторых удивительных совпадениях консерватизма с революционной пролетарской идеологией — здесь, наверное, можно говорить о диалектике, тем более что сама диалектика и является одним из таких совпадений.⁵ Ниже речь тоже пойдет о консерватизме и социализме, но ракурс разговора будет другим. Предметом анализа здесь станет один из вариантов того, что можно назвать, используя термин Мишеля Фуко, позднесоветской «правительственностью» (*gouvernementalite*).⁶

Как известно, Фуко отказывал социализму в собственной управленческой рациональности — слишком озабоченный своим соответствием теоретическому канону, реальный социализм не предложил оригинальной технологии руководства и вынужден был подключаться к уже существующим моделям.⁷ В последнее время появляется все больше работ, посвященных тому, как социалистические режимы в 50–80-е годы пытались привить себе элементы либеральной «гouvernementальности» (см.: Rindzeviciute

⁵ «Есть еще один пункт сходства революционного сознания пролетариата и консервативной традиции — диалектика. У Маркса это была внутренняя необходимость, вытекающая из заимствования идей диалектики консерватора Гегеля. <...> Этот вид рационализма совершенно отличается, однако, от того, который находит свое выражение в буржуазном идеале естественных наук. Последний ставит себе целью выяснение общих законов природы; это демократический, а не диалектический вариант мышления» (Манхейм 1994: 591).

⁶ Этому термину, как отмечает переводчик и исследователь Фуко Виктор Каплун, «на русском повезло меньше всего» (Каплун 2019: 181). Действительно, его переводили и как «правительственность», и как «управленитет», и как «руководство» и даже как «властноментальность» (см. также примечание Андрея Корбута к переведенной им беседе Жака Донзло и Колина Гордона, опубликованной под названием «Управление либеральными обществами — эффект Фуко в англоязычном мире» в: Донзло, Гордон 2008: 3–4). Наиболее употребительными сегодня являются три варианта: «управленчество» (он используется в русском переводе лекций 1977–1978 учебного года. «Безопасность, территория, население», а в лекциях именно этого курса Фуко собственно и вводит понятие *gouvernementalite*), «правительность» (вариант, предложенный Андреем Корбутом) и, наконец, калька французского слова — «гouvernementальность» (именно на нем настаивает Каплун). В ожидании переводческого консенсуса все три варианта в настоящей статье используются как синонимические. Однако там, где в тексте употребляется калька, выбран вариант, предложенный Артемием Магуном — «гouvernementальность».

⁷ «Как показала история, социализм может существовать, лишь подключаясь к различным типам руководства. Либерального руководства, по отношению к которому социализм и его формы рациональности играют роль противовесов, корректива, паллиатива внутренней опасности. <...> Мы видели и видим, что он всегда функционирует <...> в полицейском государстве, то есть в гиперадминистративном государстве, в котором руководство и администрация образуют, так сказать, сплав, целостность, составляя своего рода массивный блок» (Фуко 2010: 120).

2015; Rindzeviciute 2016; Rindzeviciute 2020; Bockman 2011; Eyal 2003). И во многом благодаря именно этим исследованиям наше представление о поздней истории «реального социализма» существенно усложнилось. Во всяком случае, они проблематизировали те упрощающие объяснительные схемы, согласно которым малоэффективная авторитарная система была вынуждена уступать позицию за позицией «естественной» экономической рациональности и в конечном итоге была полностью побеждена прогрессивным рыночным капитализмом. Во-первых, уже сам Фуко показал, что за «естественностью» экономики как новой природы необходимо увидеть технологии и инструменты управления (Фуко 2011). Во-вторых, речь, по всей видимости, должна идти не о простом заимствовании техник либеральной «правительности», а о куда более сложном мировом процессе взаимообмена между социализмом и капитализмом. Так, Джоанна Бокман, изучив переходные варианты между ними — в частности, опыт рыночного социализма в Югославии и Венгрии, — предлагает скорректировать само фукианское понятие «гуверnementальности» (Bockman 2011: 5). В СССР «управленческое» поле также было гибридным: оно включало в себя множество конкурирующих практик и теоретических проектов с разными видениями настоящего и будущего. Наконец, здесь возникает проблема и с тем, что считать «консервативным», а что «прогрессивным». Понятно, например, что прививка либеральной «гуверnementальности» уже будет отмечена «позиционным» консерватизмом в той разметке исторической темпоральности, которую предполагала советская идеология. Но и сам по себе ранний либерализм XIX века, взятый не столько как политическая доктрина, сколько как управленческая практика, и противопоставленный рационалистическим «полицейским» техникам XVII века, также разделяет с консерватизмом ряд стилевых черт.

К сказанному необходимо добавить, что конкретный «гуверnementальный» проект, который будет здесь рассмотрен, делает и без того непростую ситуацию еще более запутанной. Кибернетическую концепцию «хозяйственных автопилотов», разработавшуюся математиком Никитой Моисеевым в советские годы в рамках созданного им самим учения об «универсальном эволюционизме», на первый взгляд сложно назвать консервативной, в каком бы смысле мы ни употребляли это прилагательное. Если иметь в виду более или менее конвенциональные значения словосочетания «советский консерватор», то под это определение подходят либо идеологи и партаппаратчики старой — еще сталинской — школы, стремившиеся всеми силами

заморозить систему; либо интеллектуалы-почвенники, сделавшие ставку на «тысячелетние национальные традиции», еще различимые в постепенно разрушающемся деревенском укладе; либо, наконец, такие марксистские теоретики, как Михаил Лифшиц, предложивший концепцию «великих консерваторов человечества» (см.: Камнев 2009). Моисеев не относился ни к первым (хотя будучи ученым с мировым именем, он, несомненно, имел некоторое влияние в партийно-государственных кругах), ни ко вторым (хотя и строил собственные проекты возрождения русской деревни), ни к третьим.⁸ Более того, даже «стилистически» он вроде бы не вписывается в консервативный тренд. Все эти кибернетические машины, научное моделирование и проектирование, рационализм и некоторый технократический утопизм, заметный в его работах 70–80-х годов, создают впечатление типично прогрессистской доктрины, модернистски ориентированной на будущее. Однако чуть более внимательный анализ показывает, что те крайне специфические интерпретации кибернетики, которые Моисеев отстаивал в советский период, делают его «либеральный» по советским меркам управленческий проект (с его довольно осторожной реабилитацией рынка и предложением частичной экономической дерегуляции) чуть ли не образцом правительности в отчетливо консервативном стиле. В свете сказанного становится понятно, почему в постсоветских текстах его доктрина «универсального эволюционизма» безболезненно сочетается — уже без всякой позиционной двусмысленности — с космизмом, полурелигиозной духовностью и учением о цивилизационных «разломах» в духе Сэмюэла Хантингтона. Но прежде чем остановиться на универсальном эволюционизме поподробнее, необходимо разобраться с консервативными элементами либерального управленчества, описанного в свое время Фуко.

Как известно, Фуко полагал, что либеральная правительственность возникает как реакция на избыточность административно-полицейского управления, характерного для регулярных европейских монархий XVII–XVIII веков. Бесконечному регламентирующему вмешательству противопоставлялось теперь искусство управлять не управляя. Общество перестало пониматься как материал, форму которому придают организующие рациональные принципы полицейской науки. Оно обрело собственную «естественность» и собственную рациональность. Фуко так пишет об этой вновь обретенной природе:

⁸ Очерк «экополитологических» взглядов Моисеева см. в: Глушенкова 2015.

Что политическая экономия обнаруживает, так это не предсуществующие осуществлению правления естественные права, но некую присущую самой практике управления природу. «...» Если она пренебрегает этой природой, если она не принимает ее в расчет или идет против законов, запечатленных этой природностью в подвергающихся ее воздействию объектах, незамедлительно возникнут негативные для нее самой последствия (Фуко 2010: 30–31).

Другими словами, в отличие от доктринального либерализма, либерализм управленческий не столько политически утверждает права и свободы, сколько старается осторожно согласовать практику правительности с «естественными» законами экономики, с конкретной действительностью экономической жизни населения. Консервативное доверие к мудрости ее свободного течения здесь налицо.⁹

Особое место в диспозитиве либерального управленчества занимает проблема знания. Здесь тоже можно увидеть сдвиг от всеохватной «табличной» систематичности к мудрому признанию ее невозможности. Этот сдвиг хорошо заметен при переходе от протолиберальной «гувернементальности» к ее классическим формам. В лекции от 21 марта курса «Рождение биополитики» (1978–1979) Фуко сравнивает политэкономический проект физиократов и собственно либеральное управленчество, представленное в данном случае одним из его пионеров — Адамом Смитом с его знаменитой теорией «невидимой руки». Фуко напоминает, что физиократы признавали автономию рыночных механизмов и были последовательными противниками вмешательства в сферу экономики. Однако свобода экономических агентов сочеталась у них с тотальным эпистемологическим надзором со стороны государства. Через посредство Экономической таблицы, обеспечивающей абсолютную прозрачность хозяйственного механизма, суверен может наблюдать за обращением всех экономических потоков и, следовательно, контролировать их. Политика и экономика, власть и знание совпадают в этом насквозь прозрачном табличном пространстве. Парадоксальным образом свободный рынок, представленный в «экономическом паноптиконе» власти, делает государя даже более деспотичным, чем ранее. Суверен все меньше ограничивается «традициями, обычаями, правила-

⁹ Сегодня неоконсерватизм и неолиберализм еще более сблизились. Несмотря на все различия в культурной политике, они «сходны в своем подходе к проблеме разложения народа и необходимости вести людей к тому, чтобы они принимали свои обязанности и снова становились добродетельными гражданами» (Дин 2016: 391).

ми, фундаментальными законами, так что его единственным законом оказывается закон очевидности, очевидности четко выверенного и четко выстроенного знания, которое он разделяет с экономическими агентами» (Фуко 2010: 355).

Именно против такой сборки экономии и суверенитета и выступает Адам Смит. «Невидимая рука», согласно Фуко, это критика физиократической идеи экономической прозрачности, а значит, и анахронической фигуры всевидящего государя. Ни у простого экономического агента, ни у короля нет больше доступа к целостной картине экономической жизни общества. Более того, сама невидимость «руки» является необходимым условием работы рыночных механизмов. В своем кратком, но насыщенном анализе фукианских исследований управления Колин Гордон остроумно определил либеральную правительственность как «критику государственного разума» (Gordon 1991: 15). Действительно, либерализм можно описать не только как политическую реакцию на полицейскую доктрину «государственного интереса» (*raison d'état*), но и одновременно — в кантианских терминах — как попытку ограничить познавательные притязания этого *raison*. Непосредственный союз знания и власти — *Polizeiwissenschaft* — постепенно распадается. Эпистемологический дефицит должен заставить государство быть более осторожным и взвешенным в своей политике. Управляемые процессы обладают собственной «природой», специфические законы которой не очень понятны государству. И теперь ему необходимо отдать себе в этом полный отчет и предоставить наукам заниматься изучением населения во всей его многообразной деятельности. Но и науки — и прежде всего только что родившаяся политэкономия — не способны разработать «детальную дедуктивную программу» (Колин Гордон) для правительства. С экономией, конечно, государству отныне необходимо считаться. Но тем не менее это, как говорит Фуко, наука, «побочная» по отношению к задачам управления, — она лишь инструмент «правительности», а не ее рациональность.

В определенном смысле противостояние полицейского административного рационализма и консервативной осторожности экономического управленчества разыгрывалось и в постсталинском СССР. Вернее, это было противостояние между подключениями к двум разным историческим типам правительности. Ситуация осложнялась еще и спецификой советского государства. В парадигме *raison d'état* государство как бы замыкалось само на себя — перестав нести какой бы то ни было сотериологический, провиденциальный смысл, оно решало лишь одну

задачу — задачу самосохранения. Главная опасность, подстрегающая государство, — это революция в том значении, которое придавалось этому слову в XVII веке, то есть циклическое движение, которое сначала возносит то или иное государство, а затем приводит его в состояние упадка (см.: Фуко 2011: 378). Советское же государство — это исчезающий посредник революции, пусть даже в силу объективных исторических обстоятельств ему и пришлось повременить с собственным исчезновением. «Термидорианская» реставрация государственных институтов, административно-полицейское вмешательство во все сферы жизни и эскалация насилия обретали смысл именно в этой эсхатологической перспективе. Просто на какое-то время само государство вынуждено было взять на себя функции агента подлинно революционных изменений. При этом не только рыночный хаос капиталистической экономики должен был быть разумно упорядочен в прозрачной таблице планового хозяйства, но и хаос самой природы следовало укротить и гуманизировать. Отсюда и грандиозные замыслы научного регулирования естественно-природных процессов — «от «Сталинского плана преобразования природы» 1948 года¹⁰ до проекта по переброске части стока сибирских рек в Казахстан и Среднюю Азию. Подключение к либеральной правительности в этом контексте всегда означало своего рода реабилитацию автономии природы — и окружающей природы, и «природы» общества. В своей давней, но до сих пор не потерявшей научного значения книге о советской науке Лорен Грэхэм убедительно показал, что, например, оттепельная борьба с Лысенко в биологии или серия дискуссий в 70-е по проблеме «природа-воспитание», в которых принимали участие генетики, психологи, криминалисты и философы, были попыткой не только вернуть некоторую самостоятельность частным наукам и защитить их от идеологического вмешательства со стороны «великой науки марксизма-ленинизма», но и продемонстрировать автономию и «непрозрачность» природы. При этом взаимоотношения «консерватизма» и «либерализма» претерпевали интересную трансформацию. Так, комментируя полемику вокруг статьи Владимира Эфроимсона «Родословная альтруизма», Грэхэм пишет: «Как это ни покажется странным западным читателям, в умах которых генетический подход к объяснению поведения человека

¹⁰ «В Сталинском плане преобразования природы находит дальнейшее развитие учение марксизма-ленинизма о безусловной познаваемости всех явлений и закономерностей природы, о возможности и необходимости целесообразного управления природными процессами в интересах коммунистического общества» (Ковда 1952: 3).

обычно ассоциируется с политическим консерватизмом, в советском обществе того времени подобные подходы рассматривались как проявление “либерализма”, поскольку означали еще один шаг в направлении освобождения от сталинизма, “лысенкоизма” и марксистского догматизма» (Грэхэм 1991: 230).

Следует отметить, что апология «естественности» в «губернментальных» предложениях позднесоветской эпохи имела четкие границы. Научная экспертиза государственных инициатив была призвана нейтрализовать революционный эксцесс этих последних,¹¹ но государство по-прежнему занимало центральное место в управленческих проектах независимо от степени их степени «либеральности».¹² Бенджамин Питерс в своей книге об истории ОГАС приходит к выводу, что этот амбициозный замысел академика Глушкова по децентрализации управления плановой экономикой мог быть внедрен только благодаря централизованному государственно-административному ресурсу (см.: Peters 2016). В «оргуправленческом» проекте Щедровицкого осторожная регуляция естественного «самодвижения» управляемого объекта должна сочетаться со смелой государственной проектной деятельностью (см.: Щедровицкий 2003). Ну и, наконец, согласно математику Никите Моисееву, программно-целевой метод только тогда даст необходимый эффект, когда руководить программой будет «авторитетное лицо, обладающее большой властью в государстве, то есть одно из первых лиц в государстве» (Моисеев 1984: 119–120).

Об «универсальном эволюционизме» Моисеева существует довольно большая исследовательская литература, которая отчетливо распадается на две части. Та — значительно меньшая — часть, что, условно говоря, ориентирована на современную теорию, вписывает его в открытую Фуко историю управленчества. Так, Эгле Риндзевичуте видит в Моисееве создателя новой глобальной посткибернетической модели управления био- и нософерой. Эта новаторская модель, предполагающая не непосредственный контроль над объектами, а воздействие на них через окружающую среду, сама по себе может быть определена как консервативная по целям. Ее задача заключается в том, чтобы

¹¹ «Институциональная привязка “советского строя” к “науке” в реформенное десятилетие 60-х становится результатом окончательного закрепления узла научности за ясным эмпирическим референтом — научной экспертизой государственного планирования, которая следует за окончательной интеграцией институтов академической науки и университета в государственное администрирование и *vice versa*» (Бикбов 2014: 242).

¹² В отличие, например, от реформ в Югославии.

подготовить человечество к новой роли — роли «мудрого и ответственного организатора», способного, наконец, через разметку системы «критических порогов» замедлить темп экологических изменений, которые, в свою очередь, подгоняются бездумной человеческой деятельностью (Rindzeviciute 2020: 197). Особое внимание Риндзевичуте уделяет активности Моисеева в создании международной научной сети, призванной разработать новые эпистемологии по-настоящему глобальной «правительности» в условиях антропоцена и способной влиять на политическое руководство отдельных стран в деле реализации такой «правительности». Такой экологический консерватизм требует инновационных решений — научных и управленческих, и Риндзевичуте убедительно пишет о выдающемся вкладе Моисеева в их разработку.

Однако в постперестроечной публицистике Моисеева огромное место занимают рассуждения о геополитике, конфликтах цивилизаций (прошлых и будущих), специфике русской духовности, соборности и других похожих вещах, с несомненностью свидетельствующих о консервативности куда более традиционного характера, чем инновативный посткибернетический экологизм. Действительно, в одной из последних опубликованных при жизни работ, Моисеев, отталкиваясь от Шпенглера, Фукуямы и Хантингтона, пишет о неустрашимости цивилизационных различий в более или менее эссенциалистском ключе. В современном мире — «мире ТНК» (транснациональных корпораций) — эти различия не только не стираются, но и приобретают новое значение. Они становятся важнейшим фактором в борьбе за экономическую гегемонию. Построенный на ценностях протестантского индивидуализма PAX AMERICANA со временем неизбежно погибнет, и ему на смену придут коллективистские цивилизации «патриотичных прагматиков» Дальнего Востока («тихоокеанские тигры»). В целом же все цивилизации делятся на два типа — «технотронные» и «традиционные». Первый тип — это цивилизации, ценящие пассионарную и креативную индивидуальность. Они берут свое начало в охотничьих и скотоводческо-кочевых культурах, чьи носители были «генетически настроенными на поиск новых возможностей существования и войну как способ их реализации» (Моисеев 2000: 175). Второй тип — это преимущественно земледельческие цивилизации, где отдельный человек всегда подчинен коллективу, и привычный образ жизни воспроизводится веками. Впрочем, само деление достаточно условно: каждая историческая цивилизация — это синтез обоих типов, при том что их доли могут быть разными.

В грядущих столкновениях последнее слово будет за традиционными цивилизациями, да и в суровых условиях экологической мобилизации традиционализм, очевидно, более востребован: «Экологический императив накладывает множество ограничений на характер деятельности и поведения людей. А последнее особенно требует коллективизма, соборности, следования жестким догмам!» (Там же: 181).

Все это хорошо известный тип рассуждений, и именно он оказался востребован нынешним консервативным поворотом в России. Публикации с характерными названиями вроде «Культура на грани инобытия в свете национальной безопасности», «Н. Н. Моисеев о безопасности в контексте проблем Евразии», «Патриотизм личности как ценность нового гуманизма», «Капитализм, будущее мира и планы закрытых наднациональных структур глобалистов» составляют значительную часть сборников «Моисеевских чтений», проводимых в последнее время Московским гуманитарным университетом.¹³ И весь этот «цивилизационный подход» оказывается неотделим от посткибернетического управления через посредство среды, проанализированного Риндзевичу. Конечно, для поздних текстов Моисеева вообще характерно эклектическое сочетание различных языков описания — от синергетики до марксистской диалектики, — причем иногда в пределах одного абзаца (см.: Кобылин 2019). Но эти — подчас весьма неожиданные — переходы были все-таки попытками выразить главный императив «универсального эволюционизма» — научиться осторожно следовать той единой органической линии, которая связывает рынки экономические и эволюционные, саморегуляцию в природе и обществе, разломы геологические и цивилизационные, новый консерватизм глобального экологического управления и старый консерватизм культурно-исторических типов. И основы этого «эволюционизма» были заложены еще в работах советского времени. Ниже речь пойдет о небольшой научно-популярной работе «Люди и кибернетика» (1984), где Моисеев концептуализирует свой консервативный натурализм через расширение кибернетического понятия обратной связи.

Книга начинается с констатации того, что в условиях качественно возрастающей сложности общественной жизни управление больше не может полагаться на интуицию и личный опыт. Необходимо создать настоящую науку управления, которая опиралась бы не только на современные исследования, но и на

¹³ Названия статей взяты из сборников «Моисеевских чтений» (см.: Моисеевские чтения 2018; 2019; 2020).

управленческий опыт различных культурно-исторических эпох. В небольшой главе «Наука начинается с изучения истории» Моисеев набрасывает контуры мировой истории управленчества (естественно, не употребляя сам термин), начиная с Платона и древнеримской правовой системы и далее — через организацию монгольской орды к информационной современности. По сути, Моисеев пытается обрисовать здесь новое предметное поле — поверх традиционных институциональных и дисциплинарных разделений он очерчивает новую область объектов, объединяющую армейские практики организации, церковную управленческую культуру,¹⁴ исторические примеры юридической инфраструктуры различных обществ и, наконец, то, что можно назвать политическим управлением. Понятно, что это не более чем программа: в отличие от Фуко Моисеев почти не занимается историческим анализом форм «науки управлять», предоставляя это делать будущим историкам. Но сама разметка исторического поля здесь весьма показательна.

Однако исторический экскурс Моисеева имеет одну важную особенность, ярко демонстрирующую как раз консервативную оптику советского математика. Ненаписанная ещё «поучительная книга» об истории управления должна стать не критической генеалогией современных форм власти, а напротив — ей предстоит сконструировать нечто вроде управленческой «исторической традиции», на которую стоит ориентироваться и сегодня. Моисеев так пишет об этом: «Читая книги по истории управления и организации, люди, занимающиеся современной наукой управления, увидят, что многие Америки уже давно открыты, что гораздо экономнее учиться здравому смыслу и познавать мудрость, накопленную людьми, чем начинать все с нуля» (Моисеев 1984: 14). И далее он противопоставляет эту сконденсированную в истории мудрость «снобизму» тех, кто слишком уповаet на научно-техническую революцию. А мудрость — это всегда учет специфичного, локального и самобытного. Уже в этом кратком очерке Моисеев намечает «культурспецифичный» подход к управлению, который превратится в его постсоветских работах в целую теорию «цивилизационных разломов».

¹⁴ «Особое место в разговоре об управлении занимает церковь. На протяжении своей тысячелетней истории она приобрела удивительную способность влиять на развитие процессов, протекающих в обществе <...>. Мы сейчас не будем обсуждать вопрос о том, сколь реакционным или прогрессивным было это влияние. <...> Церковь — это еще один объект исторического анализа, заставляющий специалиста в области теории управления задуматься над рядом вопросов» (Моисеев 1984: 12-13).

Так, он приводит показательный пример из истории русской армии XVIII века, где любые попытки привить прусскую дисциплину, «законы Фридриха», терпели неудачу. Дурная квазиуниверсальность дисциплинарного воздействия наталкивалась на упорное сопротивление культурно-психологических особенностей русского солдата, главная из которых, по Моисееву, — это «психология осажденной крепости».¹⁵ И только Суворов сумел использовать эту особенность, эту «удивительную разновидность патриотизма», отказавшись от дисциплинарного насилия в пользу более гибких тактик руководства солдатами.

Особое место в этом историческом диспозитиве управления занимает кибернетика. Вернее, «кибернетикой», по Моисееву, и должна называться наука управлять людьми в целом. Амбициозный проект, излагаемый им в книге, заключался в том, чтобы переопределить сам смысл кибернетических исследований, вернувшись к их изначальному — древнегреческому — пониманию. То есть опять же — опереться на почтенную традицию, забытую вследствие упадка классического образования.¹⁶ Отсюда и крайне критическое отношение к концепции Норберта Винера, полемике с которым, по сути, посвящена вся первая глава. Во-первых, Винер и есть тот, кто открывает давно открытую Америку, и только мощная самореклама «отца кибернетики» мешает это разглядеть, в том числе и ему самому. Во-вторых, это повторное открытие актуализирует лишь малую часть виртуальной управленческой традиции, идущей к нам из античности. Винер сосредоточился исключительно на технических проблемах, полагая, что и сама «изобретенная» им кибернетика — это лишь часть более общей теории информации. Попытки «применить» ее к управлению обществом приводят к неизбежному упрощению объекта управления: общество начинает интерпретироваться как техническая или в лучшем случае биологическая система. Этот в целом привычный для советского антикибернетического дискурса набор обвинений в редукционизме Моисеев дополняет любопытным анализом исторического контекста. Во-первых,

¹⁵ «Только север не таил России угрозу порабощения. Русский же солдат, даже когда он был за рубежом своей родины, не чувствовал себя поработителем и завоевателем, подобно монголам XIII века. Он обеспечивал себе предполье, чтобы встретить врага не непосредственно у своего крыльца, а чуточку подальше. Такой психологической настрой требовал уже совсем других методов управления» (Моисеев 1984: 13).

¹⁶ «Заметим прежде всего, что истинный смысл слова “кибернетика” хорошо понимали еще в начале XX века, хотя появилось оно за 2000 лет до этого. Сейчас этот смысл забыт или почти забыт вследствие того, что в учебных заведениях прекратилось преподавание греческого языка» (Моисеев 1984:15).

традиция широко понимаемой «политической кибернетики» была обновлена еще в XIX веке — так, Моисеев довольно подробно останавливается на работе «Отношение философии к кибернетике, или Искусство управления народом» (1843), написанной польским философом и теоретиком педагогики Брониславом Фердинандом Трентовским. Но почему, в конечном счете, эта перспективная линия развития оказалась не востребована? Моисеев поясняет это следующим образом: ранний капитализм слишком уповал на принцип *laissez-faire*, управление сводилось к максимизации прибыли того или иного предприятия, и тяжеловесные гегельянские рассуждения Трентовского выглядели далекой от практики спекулятивной абстракцией. Однако ситуация изменилась к 40-м годам XX века. Экспоненциальный технологический рост потребовал новых управленческих решений. Но вместо того чтобы радикально переосмыслить сам подход к проблеме, образовавшиеся «дыры» в системе залатали вовремя подвернувшейся кибернетикой Винера — невидимую руку рынка дополнили видимой рукой научно переоснащенного менеджмента. Нечто похожее произошло и в СССР. Странно, полагает Моисеев, не то, что к винеровской «буржуазной лженауке» первоначально отнеслись с подозрением, — удивителен тот «кибернетический» энтузиазм, который охватил советское научное (и не только) сообщество позже: паллиативный характер новой дисциплины был очевиден с самого начала. «Но здесь уже действовали другие, отнюдь не философского плана, мотивы. Возникла острая потребность нашего централизованного хозяйства в новых методах управления. (...) И здесь нужна была наука. Хоть какая-нибудь! Даже винеровская!» (Моисеев 1984: 24).

Это более чем скептическое отношение к Винеру и его советским последователям становится понятнее на фоне не менее скептического отношения Моисеева и к самим математическим методам оптимизации целевых функций в экономике, и к той теоретической рамке, которая обеспечивала их применение. На этом сюжете стоит остановиться чуть подробнее, принимая во внимание то, что в дальнейших рассуждениях Моисеева есть момент, диагностически важный для исследования проблемы социалистического управленчества в целом.

Перейдя от разбора винеровских заблуждений к детальному описанию продвигаемого им самим «программного метода», Моисеев полемически упоминает «неоклассическое» направление в экономической науке и, в частности, концепцию маржиналиста Леона Вальраса. Основная претензия к Вальрасу и другим «неоклассицистам» сводится здесь к тому, что они искусствен-

но изолируют «чистую экономику», превращая ее тем самым в чистую же «бухгалтерскую» абстракцию.¹⁷ Если попробовать сформулировать критику Моисеева в терминах Фуко, то можно сказать, что вся та историчность труда, производства и капитала, которую политэкономия Смита и Рикардо обнаружила за пределами представления «анализа богатств» классической эпистемы, вновь скрылась из поля зрения (см.: Фуко 1994: 243–247). Став в конце концов новым Порядком, капитализм редуцировал все содержание общественной жизни к экономико-статистическим расчетам.

Эти три страницы, посвященные Моисеевым критическому анализу «вульгарной политэкономии» неоклассиков, возможно, и не привлекли бы особого внимания, если бы не та роль, которую — как сегодня становится все более ясным — играла эта политэкономия в «соревновании» капитализма и социализма, длившегося все время исторического существования последнего. Уже упоминавшаяся выше исследовательница Джоанна Бокман показала, что, несмотря на жесткую критику трудовой теории стоимости и, казалось бы, очевидную приверженность принципам свободного рынка, неоклассическая теория выступала одним из инструментов нормализации социализма: в математических моделях, построенных экономистами-неоклассиками, экономика конкурентных рынков оказалась чуть ли не идентичной экономике централизованного планирования. Из вопиющего нарушения всех законов экономической рациональности, существующего только потому, что он не реализовал до конца собственные принципы, социализм превратился в одну из возможных вариаций современной индустриальной экономики. Бокман демонстрирует, что неоклассическая экономика послужила основой для теоретических и — что еще важнее — практических экспериментов в самих социалистических странах: эквивалентность «формационных» экономико-математических моделей позволяла по-разному распределять государственное регулирование, планирование, рыночные механизмы и формы самоуправления рабочих на предприятиях «внутри» самого социалистического хозяйства. И «социализм невмешательства»

¹⁷ «Сводить анализ процесса народнохозяйственного организма к чисто экономическим расчетам, я бы сказал, бухгалтерским процедурам, и изучению только производственных процессов — нельзя, так как социальные явления, протекающие в обществе, порой являются определяющими» (Моисеев 1984: 97). К моменту написания книги «Люди и кибернетика» Моисеев уже читал Хайека, и возможно, что резкая критика неоклассического направления частично обусловлена и этим знакомством с повлиявшей на него Австрийской школой.

в Югославии, и «гуляш-коммунизм» в Венгрии были результатами неоклассической прививки к марксистской политэкономии (см.: Vockman 2011).

Очевидно, что Моисеев не поддается «неоклассическому» соблазну, предлагая куда более амбициозный проект. Чисто техническому «апгрейду» системы или некоторой перекомбинации ее элементов он противопоставляет кибернетический «Программный метод», совмещающий исследовательское научное планирование с корректирующими механизмами обратной связи. Недостаточно просто использовать вычислительные машины для оптимизации документооборота или расчета необходимого сырья. Само общество должно быть построено как саморегулирующаяся мегамашина. Здесь мысль Моисеева делает любопытный поворот, поскольку критика винеровского редукционизма оборачивается у него редукционизмом куда более масштабным. Моисеев обращается к учению Александра Богданова в попытке очень осторожно и с многочисленными оговорками реабилитировать и использовать его «Тектологию», которую официальная советская философия как раз и критиковала за формализм, механицизм и сведение общественно-экономических процессов к энергетическим и биологическим. В задачу статьи не входит обсуждение справедливости этих упреков, но Моисеев, опираясь на Богданова и дореволюционного математика и минералога Евграфа Федорова, действительно пишет об общих законах организационных форм, то есть о той самой «естественной» линии, на которой различия между кристаллом, организмом, машиной и обществом становятся нерелевантными. Необходимо поймать это естественное всеобщее «дао» и синхронизироваться с миром как сложной совокупностью саморегулирующихся систем, проходящих через критические пороги и точки бифуркации. Вернее, это «дао» само и направляет нас к себе, поскольку процесс эволюционной отбраковки организационных форм является стихийным и стихийно же порождает Разум, задача которого заключается в том, чтобы в конечном итоге вновь совпасть с естественным ритмом био(ноо)сферы. Вообще, учение о Разуме у Моисеева (он часто — особенно в поздних книгах — пишет это слово с большой буквы) довольно запутанное (подробнее см.: Кобылин 2019). Но в целом можно сказать, что проблема здесь сопоставима с проблемой взаимоотношения «объективных законов истории» и свободного действия, основанного на их осознании, в некоторых версиях исторического материализма. Как бы то ни было, Разум не наделяет нас привилегией, позволяющей покорять природу — в том числе и нашу собственную — в соот-

ветствии с «гилеморфической» моделью. Мы не должны ей навязывать собственные правила, поскольку мы сами находимся не «вовне», а «внутри» (см.: Bassin 2016; Rindzeviciute 2020). Все в дурном смысле искусственное, «неорганичное», принудительно внедренное будет отсеяно Природой, как это по позднему признанию Моисеева случилось с самой советской системой. Тут по всей видимости и проходит подлинная разделительная линия между двумя разновидностями редукционизма. У Винера это редукционизм «применения»: техническая машина, используемая обществом, стремится представить все его проблемы как технически решаемые. У Моисеева же мы имеем дело с редукционизмом «становления»: общество само должно стать мегамашиной, совпадающей в принципах своей работы с другими природными «машинами». И тогда относительно небольшое количество механизмов управления позволят учесть и сохранить все ее внутреннее многообразие, всю «цветущую сложность» и цивилизационную многоукладность ее содержания.

Отсюда и интерес к забытой кибернетике Трентовского, ведь она учит не контролю над коммуникациями в биолого-технических системах, а тому, как управлять «объектами, основными элементами которых являются люди». И как выясняется, подлинный «кибернет» должен «наблюдать, анализировать, выжидать, лавировать, *избегать прямого вмешательства — он должен уметь извлекать пользу из естественного хода вещей*» (Моисеев 1984: 16, 18; курсив мой — И. К.).

Этот естественный ход вещей связывает эволюцию и собственно историю, позволяя Моисееву переписать марксистское формационное учение в терминах богдановской тектологической теории. Общество как система определяется взаимодействием двух начал — лабильного и консервативного. Постоянно развивающиеся производительные силы — это лабильная функциональная часть системы, а производственные отношения — консервативная «архитектурная схема организации», отвечающая за самосохранение и стабильность. «Консервативная составляющая оказывается фильтром, отбраковывающим те реакции общественного организма на изменения внешней обстановки, которые оказываются недостаточно обоснованными, точнее, недостаточно мотивированными потребностями общества» (Моисеев 1984: 34). Эти составляющие десинхронизированы, то есть изменяются с разными скоростями или, как уточняет Моисеев, в разных масштабах времени. Революцию можно трактовать как следствие этой темпоральной рассогласованности — когда развитие производительных сил достигает

порогового значения, консервативная «архитектура» оказывается взорванной. Социализм же, как его понимает Моисеев, это такая система, где обе составляющие могут быть гармонизированы. Консервативная архитектура системы должна быть настроена таким образом, чтобы прогрессирующее развитие не ставило под вопрос само существование общественного организма. Собственно, социализм — это оптимизированный, докомплектованный, «до-собранный» капитализм, где громоздкое либерально-рыночное регулирование станет лишь одним — хотя и немаловажным — элементом кибернетического «хозяйственного автопилота». ¹⁸ Теоретические и практические основы такого автопилота были заложены во времена НЭПа — короткого периода продуктивного затишья между двумя революционными мобилизациями. Именно тогда сложилась базовая кибер-схема, сочетающая централизованное планирование (Госплан) с тонкими механизмами обратной связи (тресты, кооперативное движение, резервы рабочей силы и так далее). «Программный метод», предлагаемый Моисеевым, это и есть своего рода перезапуск нэповского проекта на новом уровне технологических и управленческих возможностей. Метод, который превратит социализм — естественный итог эволюционно-исторического развития материи — в вечно изменяющуюся и вечно неизменяющую систему.

В постсоветский период терминология Моисеева в значительной степени поменялась. Вместо социализма он стал много писать о сорванной политизированной горбачевской перестройкой конвергенции, которая позволила бы медленно трансформирующемуся Советскому Союзу войти в мир транснациональных корпораций на паритетных началах и стать одним из игроков в грядущих цивилизационных столкновениях. Но основная интуиция осталась прежней — синхронизация с «естественным» и создание таких консервативных организационных «архитектур», которые страховали бы нас от революционных катастроф как экологического, так и социально-политического плана. Безусловно, это взвешенная и продуманная позиция, заслуживающая того, чтобы к ней прислушаться. И в современной экополитике, делающей ставку на пересборку человеческого и природного, экологическое управленчество Моисеева наверняка будет востребовано. Но, во-первых, как мы видели, эко-консерватизм часто сопровождается возрождением архаических форм полити-

¹⁸ Интересно, что Моисеев ничего не пишет о коммунистической перспективе социалистического общества и даже, кажется, ни разу не употребляет слово «коммунизм» в своей книге.

ческого консерватизма, а во-вторых, любой консерватизм — это всегда ре-акция и при всей ее контекстуальной уместности она не отменяет необходимости радикального политического воображения, способного не только следовать данному, но и открывать новые перспективы.

Библиография

- Бёрк, Эдмунд (1993). *Размышления о революции во Франции*. М.: Рудомино.
- Блур, Дэвид (2002). «Витгенштейн как консервативный мыслитель». *Логос*, № 5–6: 47–64.
- Бикбов, Александр (2014). *Грамматика порядка. Историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность*. М.: ВШЭ.
- Будрайтскис, Илья (2020). *Мир, который построил Хантингтон и в котором живем все мы. Парадоксы консервативного поворота в России*. М.: Издательство книжного магазина «Циолковский».
- Валицкий, Анджей (2019). *В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства*. М.: Новое литературное обозрение.
- Донзло, Жак, Гордон, Колин (2008). «Управление либеральными обществами — эффект Фуко в англоязычном мире». *Логос*, № 2: 3–20.
- Глушенкова, Елена (2015). *Экополитология Н. Н. Моисеева и устойчивое развитие России*. М.: Академия МНЭПУ.
- Грэхэм, Лорен (1991). *Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе*. М.: Политиздат.
- Дин, Митчелл (2016). *Правительность: власть и правление в современных обществах*. М.: Дело.
- Ионин, Леонид (2005). «Консерватизм». *Логос*, № 3: 3–73.
- Камнев, Владимир (2009). «Советский консерватизм как историсофская проблема». *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина*. № 3. Т. 1: 172–182.
- Каплун, Виктор (2019). «Перестать мыслить “власть” через “государство”: *gouvernementalité*, *Governmentality Studies* что стало с аналитикой власти Мишеля Фуко в русских переводах». *Логос*, № 2: 179–220.
- Кобылин, Игорь (2019). «“Разум и рынок”: экологическое “управленчество” академика Моисеева». *Неприкосновенный запас*, № 1: 144–160.
- Ковда, Виктор (1952). *Великий план преобразования природы*. М.: АН СССР.
- Манхейм, Карл (1994). *Диагноз нашего времени*. М.: Юристъ.
- Минаков, Аркадий (2011). *Русский консерватизм в первой четверти XIX века*. Воронеж: ВГУ.
- Моисеев, Никита (1984). *Люди и кибернетика*. М.: Молодая гвардия.
- Моисеев, Никита (2000). *Судьба цивилизации. Путь разума*. М.: Языки русской культуры.
- Моисеевские чтения (2018). Моисеевские чтения. Культура и гуманитарные проблемы современной цивилизации. Всероссийская научная конференция. Доклады и материалы. М.: Издательство Московского гуманитарного университета.
- Моисеевские чтения (2019). Моисеевские чтения. Культура как фактор национальной безопасности России. Общероссийская (национальная) научная конференция. Доклады и материалы. М.: Издательство Московского гуманитарного университета.
- Моисеевские чтения (2020). Моисеевские чтения. Культура и гуманитарные проблемы современной цивилизации. Общероссийская (национальная) научная конференция. Доклады и материалы. М.: Издательство Московского гуманитарного университета.

- Репников, Александр (2007). *Консервативные концепции переустройства России*. М.: Academia.
- Фуко, Мишель (1994). *Слова и вещи. Археология гуманитарных наук*. СПб.: А-сад.
- Фуко, Мишель (2010). *Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году*. СПб.: Наука.
- Фуко, Мишель (2011). *Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году*. СПб.: Наука.
- Щедровицкий, Георгий (2003). *Методология и философия организационно-управленческой деятельности: основные понятия и принципы (курс лекций)*, в Щедровицкий, Георгий, Из архива Г. П. Щедровицкого, т. 5. М.: Путь.
- Anderson, Perry (2005). *Spectrum: From Right to the Left in the World of Ideas*. New York & London: Verso.
- Bassin, Mark (2016). *The Gumilev Mystique: Biopolitics, Eurasianism, and the Construction of Community in Modern Russia (Culture and Society after Socialism)*. Ithaca: Cornell University Press.
- Bockman, Johanna (2011). *Markets in the Name of Socialism: The Left-Wing Origins of Neoliberalism*. Stanford: Stanford University Press.
- Bourke, Richard (2018). “What is Conservatism? History, Ideology and Party.” *European Journal of Political Theory* 17, № 4 (2018): 449–475.
- Eyal, Gil (2003). *The Origin of Postcommunist Elites: From Prague Spring to the Breakup of Czechoslovakia*. Minneapolis: Minnesota University Press.
- Gordon, Colin (1991). “Governmental Rationality: An Introduction.” *In The Foucault Effect. Studies in Governmentality*, ed. Graham Burchell, Colin Gordon, Peter Miller, 1–51. Chicago: The University of Chicago Press.
- Huntington, Samuel (1957). “Conservatism as an Ideology.” *American Political Science Review* 51, № 2 (1957): 454–473.
- Muller, Jerry, ed. (1997). *Conservatism: An Anthology of Social and Political Thought from David Hume to the Present*. Princeton: Princeton University Press.
- Oakeshott, Michael (1962). *Rationalism in Politics and Other Essays*. London: Methuen & Co.
- Peters, Benjamin (2016). *How Not to Network a Nation: The Uneasy History of the Soviet Internet*. Cambridge: MIT Press.
- Rindzeviciute, Egle (2015). “The Future as an Intellectual Technology in the Soviet Union. From Centralised Planning to Reflexive Management.” *Cahiers du Monde russe* 56, № 1 (2015): 111–134.
- Rindzeviciute, Egle (2016). *The Power of Systems: How Policy Sciences Opened Up The Cold War World*. Ithaca & London: Cornell University Press.
- Rindzeviciute, Egle (2020). “Soviet Policy Sciences and Earth System Governmentality.” *Modern Intellectual History* 17, № 1 (2020): 179–208.
- Thompson, Willie (2011). *Ideologies in the Age of Extremes: Liberalism, Conservatism, Communism, Fascism 1914–1991*. New York: Pluto Press.

Igor Kobylin

*Associate Professor, Senior Research Fellow
Privolzhsk Medical Research University, Research Laboratory of
Historical and Cultural Studies at the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Minin and Pozharsky square, 10/1, 6030005 Privolzhsk
E-mail: igor55@mail.ru*

“Bide Time and Maneuver”: Conservative Style of Cybernetic Governmentality

Abstract

This article is dedicated to a single aspect of the history of Soviet governmentality. According to Foucault, socialism did not develop an administrative rationality of its own and was hence forced to connect up to the already available forms of this rationality. Late Soviet history is in many ways determined by the confrontation between two such connections – one to the administrative/police form and the other to the liberal form. The first connection is well-known, while the other is only now being studied in earnest.

Using the cyber-administerial project of Nikita Moiseyev, the author of this article demonstrates how the elements of liberal governmentality, already marked by a “conservative style” (Mannheim), transform after being transplanted onto Soviet soil. Partial decentralization and market mechanisms become elements of a cybernetic mega-machine, where the perpetually developing forces of production are a labile functional part of the system, while relations of production are a conservative “architectural organization scheme”, responsible for self-preservation and stability. The conservative “architecture” of the system should be set up in such a way that prevents progressing development from calling into question the existence of an infinitely self-tuning socialist “autopilot”.

Keywords:

Governmentality; conservatism; liberalism; Soviet philosophy; cybernetics

References

- Anderson, Perry (2005). *Spectrum: From Right to the Left in the World of Ideas*. NY-L.: Verso.
- Bassin, Mark (2016). *The Gumilev Mystique: Biopolitics, Eurasianism, and the Construction of Community in Modern Russia (Culture and Society after Socialism)*. Ithaca: Cornell University Press.
- Bikbov, Alexander (2014). *Grammatika poryadka: Istoricheskaya sotsiologiya ponyatiy, kotoriye menyayut nashu realnost* [The Grammar of the Order: A Historical Sociology of the Concepts which Change Our Reality]. Moscow: Izd. dom Vysshyy shkoly ekonomiki.
- Bloor, David (2000). "Wittgenstein as a Conservative Thinker". In *The Sociology of Philosophical Knowledge*, ed. Martin Kusch, 1-14. Dordrecht: Springer.
- Bockman, Johanna (2011). *Markets in the name of socialism: the left-wing origins of neoliberalism*. Stanford, California: Stanford University Press.
- Bourke, Richard (2018). *What is Conservatism? History, Ideology and Party* // *European Journal of Political Theory*. 17.4: 449-475.
- Burke, Edmund (2009). *Reflections on the Revolution in France*. Oxford: Oxford University Press.
- Budraitskis, Ilya (2020). *Mir, kotoryy postroil Hantington i v kotorom zhivym vse my. Paradoksy konservativnogo povorota v Rossii* [The World that Huntington Built and in which We All Live. Paradoxes of the Conservative Turn in Russia]. Moscow: Izdatelstvo knizhnogo magazina "Tsiolkovskiy".
- Dean, Mitchell (2010) *Governmentality: power and rule in modern society*. London: Sage.
- Donzelot, Jacques, Colin Gordon (2008). "Governing Liberal Societies – the Foucault Effect in the English-speaking World". *Foucault Studies*. Vol. 5:48-62.
- Eyal, Gil (2003). *The Origin of Postcommunist Elites: From Prague Spring to the Breakup of Czechoslovakia*. Minneapolis: Minnesota University Press.
- Foucault, Michel (1971). *The Order of Things. An Archaeology of the Human Sciences*. New York: Pantheon Books.
- Foucault, Michel (2007). *Security, Territory, Population: Lectures at the College de France, 1977-1978*. London: Palgrave.
- Foucault, Michel (2008). *The Birth of Biopolitics: Lectures at the College de France, 1978-1979*. London: Palgrave.
- Glushenkova, Elena (2015). *Ecopolitologiya N.N. Moiseyeva i ustoychivoye razvitiye Rossii* [The Ecopolitical Thought of N. N. Moiseyev and the Sustainable Development of Russia]. Moscow: Akademiya MNEPU.
- Gordon, Colin (1991). *Governmental Rationality: An Introduction / The Foucault Effect. Studies in Governmentality*. Ed. by Graham Burchell, Colin Gordon and Peter Miller. Chicago: The University of Chicago Press.
- Graham, Loren (1987). *Science, Philosophy, and Human Behavior in the Soviet Union*, New York: Columbia University Press.
- Huntington, Samuel P. (1957). *Conservatism as an Ideology* // *American Political Science Review*. 51(2):454-473.
- Ionin, Leonid (2005). "Konservativizm" [Conservatism]. *Logos*. Vol. 3: 3-73.
- Kamnev, Vladimir (2009). "Sovetskiy konservativizm kak filosofskaya problema" [Soviet Conservatism as a Philosophical Problem]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina*. Vol. 3.1: 172-182.
- Kaploon, Viktor (2019). "Perestat myslit "vlast" cherez "gosudastvo". *Gouvernementalite, Governmentality Studies: chto stalo s analitikoy vlasti Mishelya Fuko v russkikh perevodakh.*" [To Stop Thinking "Power" by Means of "Government". *Gouvernementalite, Governmentality Studies: What Happened to Michel Foucault's Analytic of Power in Russian Translation.*] *Logos*. Vol. 29.2:179-220.
- Kobylin, Igor (2019) "Razum i ryok": ecologicheskoye "upravlenchestvo" akademi-

- ka Moiseyeva" ["Reason and Market": Moiseyev's ecological "administrativity"]. *Neprikosnovenniy zapas*. Vol.123.1: 144-160.
- Kovda, Viktor (1952). *Velikiy plan preobrazovaniya prirody* [The Great Plan for the Transformation of Nature]. Moscow: Izdaelstvo akademii Nauk SSSR.
- Mannheim, Karl (1954) *Diagnosis of Our Time: Wartime Essays of a Sociologist*. London: Routledge & Kegan Paul.
- Minakov, Arkadiy (2011). *Russkoy konservatizm v pervoy chetverti XIX veka* [Russian Conservatism in the First Quarter of the XIX Century]. Voronezh: Izd-vo. Voronezhskogo gos. un-ta.
- Moiseyev, Nikita (1984). *Lyudi i kibernetika* [People and Cybernetics]. Moscow: Molodaya gvardiya.
- Moiseyev, Nikita (2000). *Sudba tsivilizatsii. Put razuma*. [The Fate of Civilization. The Path of Reason.] Moscow: Yazyki russkoy kultury.
- Moiseyevskiy chteniya (2018). *Moiseyevskiy chteniya. Kultura i gumanitarnyye problemy sovremennoy tsivilizatsii. Vserossiyskaya nauchnaya konferentsiya. Doklady i materialy*. [Moiseyev readings. Culture and Problems in the Humanities Pertinent to the Contemporary Civilization. All-Russian Scholarly Conference. Papers and Proceedings]. Moscow: Izdatelstvo Moskovskogo gumanitarnogo universiteta.
- Moiseyevskiy chteniya (2019). *Moiseyevskiy chteniya. Kultura kak faktor natsionalnoy bezopasnosti Rossii. Obshcherossiyskaya (natsionalnaya) nauchnaya konferentsiya. Doklady i materialy*. [Moiseyev readings. Culture as a Factor of Russia's National Security. National Scholarly Conference. Papers and Proceedings]. Moscow: Izdatelstvo Moskovskogo gumanitarnogo universiteta.
- Moiseyevskiy chteniya (2020). *Moiseyevskiy chteniya. Kultura i gumanitarnyye problemy sovremennoy tsivilizatsii. Obshcherossiyskaya (natsionalnaya) nauchnaya konferentsiya. Doklady i materialy*. [Moiseyev readings. Culture and Problems in the Humanities Pertinent to the Contemporary Civilization. National Scholarly Conference. Papers and Proceedings]. Moscow: Izdatelstvo Moskovskogo gumanitarnogo universiteta.
- Muller, Jerry Z., ed. (1997). *Conservatism: An Anthology of Social and Political Thought from David Hume to the Present*. Princeton: Princeton University Press.
- Oakeshott, Michael (1962). *Rationalism in Politics and Other Essays*, London: Methuen and co Ltd.
- Peters, Benjamin (2016). *How Not to Network a Nation: The Uneasy History of the Soviet Internet*. Cambridge, Mass.: MIT Press.
- Repnikov, Alexander (2007). *Konservativniye kontseptsii pereustroystva Rossii* [Conservative Conceptions of Russia's Reconstruction]. Moscow: Academia.
- Rindzeviciute, Egle (2015). *The Future as an Intellectual Technology in the Soviet Union. From Centralised Planning to Reflexive Management // Cahiers du Monde russe*. Vol. 56.1: 111-134.
- Rindzeviciute, Egle (2016). *The Power of Systems: How Policy Sciences Opened Up The Cold War World*. Ithaca; L.: Cornell University Press.
- Rindzeviciute, Egle (2020). "Soviet Policy Sciences and Earth System Governmentality". *Modern Intellectual History*. Vol. 17.1.: 179-208.
- Shchedrovitskiy, Georgiy (2003). *Metodologiya i filosofiya organizatsionno-upravlencheskoy deyatel'nosti: osnovniye ponyatiya i printsipy (kurs lektsiy)* [Methodology and Philosophy of Organizational-administrative Action: Fundamental Concepts and Principles (lecture course)]. Vol. 5. Moscow: ORU.
- Thompson, Willie (2011). *Ideologies in the Age of Extremes: Liberalism, Conservatism, Communism, Fascism 1914-91*. NY: Pluto Press.
- Walicki, Andrzej (1964). *W kręgu konserwatywnej utopii. Struktura i przemiany rosyjskiego słowianofilstwa*, Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.